

Б.Ф. ЕГОРОВ — МЕМУАРИСТ

В.Ш. Кривонос

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия; vkrivonos@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности мемуарного повествования в воспоминаниях Б.Ф. Егорова, которые отличает как особый интерес к личной истории, вписанной в общий исторический ход, так и потребность вновь возвращаться в памяти к посещенным ранее знаменательным местам. Увлеченность воспоминаниями соединилась в биографии автора, отмеченной неутолимой тягой к странствиям, с любовью к путешествиям. Воспоминания становятся странствием по местам личной памяти и предстают как путешествие вглубь личной истории. Будучи историком русской культуры, тем, кто профессионально занимается прошлым и интерпретирует события прошлого, автор воспоминаний ясно сознает, что события эти непременно оставляют след если не в документах, то в человеческой душе, так что прошлое продолжает жить в настоящем и оказывать на него воздействие. Воспоминания Б.Ф. Егорова служат способом не только воспроизведения, но и преобразования картин прошлого, высветившихся в памяти мемуариста: неповторимость личности и уникальность частной биографии позволяют по-новому увидеть и осмыслить все, что произошло в жизни общества и человека.

Ключевые слова: Б.Ф. Егоров; мемуары; история; память; личность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-10

Для цитирования: Кривонос В.Ш. Б.Ф. Егоров — мемуарист // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 141–151.

B.F. EGOROV AS MEMOIRIST

Vladislav Krivonos

*Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia;
vkrivonos@gmail.com*

Abstract: The article examines the features of memoir narration in the memoirs of Boris Egorov, distinguished by both a special interest in personal history, inscribed in the general historical course, and the need to return again in memory to previously visited significant places. A passionate love of memories is combined in the author's biography, marked by an unquenchable thirst for wandering, with a fondness for travel. Memories become a journey through the places of personal memory and appear as a journey into the depths of personal history. As a historian of Russian culture, one who professionally deals with the past and interprets the events of the

past, the author of the memoirs clearly understands that these events will certainly leave a mark, if not in documents, then in the human soul, so that the past continues to live in the present and to influence it. Memories of Boris Egorov are a way not only of reproducing, but also transforming pictures of the past, highlighted in the memory of the memoirist: the uniqueness of personality and the uniqueness of private biography allow us to see and comprehend everything that happened in the life of society and individuals in a new way.

Key words: B.F. Egorov; memoirs; history; memory; personality

For citation: Krivonos V. (2023) B.F. Egorov as Memoirist. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 141–151.

В первой книге «Воспоминаний» Б.Ф. Егоров, выделив «две противоположные крайности по отношению к личной истории», специально отметил свою осознанную принадлежность не к тем, кто «принципиально зачеркивает память», но к тем, кто «хочет вспоминать» и «посещать знаменательные места своей молодости» [Егоров 2004: 9]. А в книге «Воспоминания-2», описав колебания, охватившие его, когда он задумал написать о своей жене, Софье Александровне Николаевой, признается, что в результате «победила многолетняя и страстная любовь к воспоминаниям» [Егоров 2013: 241]. В этой же книге он существенно расширил список посещенных им *знаменательных мест*, подчеркнув тем самым свою тоже многолетнюю страсть к путешествиям, объединив воспоминания о них в особый раздел, куда включил наряду со *степенями детства* и Воронеж, где провел два дня в ранней молодости и куда вновь вернулся и вновь на два дня много лет спустя, чтобы показать понравившийся город дочери и зятю, и американский Гранд-Каньон, позволивший пережить наслаждение «фантастической силы» [Егоров 2013: 303], и поездку поездом во Владивосток и обратно, наконец-то осуществившуюся «мечту детства» [Егоров 2013: 310], и увиденные в последние десятилетия малые русские города, напомнившие о Старом Осколе, где прошло детство, и долго тревожившие воображение города итальянские, где удалось побывать лишь «в постсоветское время» [Егоров 2013: 323].

Свойственная Б.Ф. Егорову «неутолимая тяга к странствиям» свидетельствует «об одиссеевом архетипе» [Комуцци (Татару) 2016: 18] в его характере, который нашел выражение и в организации мемуарного повествования, когда воспоминания становятся странствием по местам личной памяти и предстают как путешествие вглубь личной истории. Называя себя создателем «собственного мемуарного жанра» [Фризман 2016: 114], он, можно предположить, имел в виду такое свойство написанных им воспоминаний, состоящих из очерков, внешне различающихся по жанровым приметам,

как стремление вписать «личную судьбу в общий исторический ход» и раскрыть «историчность», при всем индивидуальном своеобразии, своих личных качеств, «их связь с эпохой» [Егоров 2004: 11]. При-сущая воспоминаниям Б.Ф. Егорова установка на достоверность, способствующая осознанному желанию объективно воспроизводить прошлое, сочетается с их автобиографичностью; отсюда устойчивое равновесие в мемуарном повествовании объективного и субъективного в описании и событий, и людей. И если ему важно, анализируя и характеризуя эстетические принципы и политические взгляды героев своих научных работ, показать вместе с тем, что это «живые люди с их живым словом, со всеми их заблуждениями» [Шукин 2016: 123], то в мемуарных очерках на первый план выходят именно оригинальные человеческие черты и качества тех, о ком Б.Ф. Егоров вспоминает, что позволяет увидеть их как *живых людей*.

Сознавая и всякий раз вновь открывая реальную сложность и многомерность жизни, он всюду в воспоминаниях, погружаясь в исторический контекст описываемых событий, пытается уйти от однозначных суждений и простых оценок. Такова важная особенность мемуарного мышления Б.Ф. Егорова, стремящегося избежать участи пленника прошлого и воссоздать образ времени во всей его конкретике.

Характерно в этом смысле описание им деятельности и личности Федора Дмитриевича Клемента, ректора Тартуского университета в 1950–1960-е годы, типичного, казалось бы, партийца, которого повышение в ранге не только, вопреки обыкновению, не испортило (вкус власти!), но, напротив, ускорило его нравственный рост. А дело в том, что он, как оказалось, «хорошо понимал, что такое настоящий вузовский преподаватель и что такое наука» [Егоров 2004: 234]. Именно благодаря помощи и поддержке эстонского ректора, его выдающимся человеческим качествам, Б.Ф. Егорову удалось сформировать замечательную кафедру, наладить вместе с коллегами выпуск кафедральных изданий и организовать регулярно проводимые конференции.

Рассказывая же о двоюродном дяде жены, А.А. Васильеве, которого он именует (в самом названии очерка) *циничным коммунистом* и *хорошим человеком*, не раз использовавшим партийные связи, чтобы помочь родственникам получить недоступные другим блага, Б.Ф. Егоров признается, что воспоминание о связывавших их *общих сюжетах* заставляет нравственно *ежиться* из-за причастности, пусть и вынужденной условиями жизни, «обману» и «цинизму» [Егоров 2013: 125]. В отличие от мемуаров, «где только самому автору удается сохранить крахмальную белизну одежд» [Бернштейн 2003: 344], Б.Ф. Егоров, выстраивая свою личную историю, не пытается утаить

правду ни о людях, окружавших его, ни о самом себе, не всегда лестную для самолюбия и самооценки, и не перекладывает ответственность с личности на время и обстоятельства.

Желание оставаться «максимально объективным» и в самохарактеристиках, и в характеристиках других людей, хотя, как понимает Б.Ф. Егоров, бывают моменты, когда «не избежать субъективных пристрастий» [Егоров 2004: 330], проявляется в мемуарных зарисовках как близких ему людей, с которыми он был связан многолетними дружескими отношениями, так и тех, с кем разделяла его психологическая и нравственная несовместимость. При этом он старается следовать (допуская лишь отдельные исключения, если считает их оправданными) избранному им методу: стремлению говорить только правду и избегать даже культурного лицемерия, когда в силу определенных обстоятельств приходится говорить о человеке не то, что на самом деле о нем думаешь.

Так, рисуя человечески привлекательный для него образ Я.С. Биллинкиса, замечательного историка литературы и педагога, Б.Ф. Егоров осложняет его описанием обычно спрятанных в глубине, но иногда все же раскрывавшихся душевных качеств, не слишком приятных в общении, таких, например, как «сальерианство», ощущаемое в «постоянно негативном отношении к Ю.М. Лотману» [Егоров 2004: 334]. Но уникальный и драматичный путь ученого невозможно было, как полагает мемуарист, осмыслить, не учитывая присущего его личности «сложного комплекса черт» [Егоров 2004: 335].

Иного рода ситуация описана в заметке о Ф.Я. Прийме, не отличавшемся, по мнению Б.Ф. Егорова, «творческими умственными способностями» [Егоров 2004: 385], но занимавшем разные административные посты и своими действиями многим закрывшем «путь в науку» [Егоров 2004: 387]. Вместе с тем не остались без внимания автора, не склонного к односторонним и прямолинейным суждениям, и «достоинства ученого мужа», обнаруженные в ряде его статей, и «некоторые его человеческие свойства», демонстрирующие, что он «в личной жизни мог быть совсем другим» [Егоров 2004: 387–388].

Создаваемые Б.Ф. Егоровым портреты людей, героев его воспоминаний, могут быть объемными и детализированными, а могут — профильными и эскизными, но везде он счастливо избегает черноты и пытается уловить особые оттенки личностных проявлений, куда более точно и конкретно характеризующие его модели. Конечно, личные отношения с тем или иным человеком так или иначе определяют конкретные оценки, в той или иной степени субъективные (кажутся ли они таковыми или на самом деле являются), но никоим образом не влияют на правдивость портретных описаний. Показательно при этом, что свидетельствует о нравствен-

ных приоритетах мемуариста, стремление выделить и подчеркнуть особо ценимые им человеческие качества коллег.

Если А.М. Астахова, крупный фольклорист, ставшая волею обстоятельств руководителем Б.Ф. Егорова в аспирантуре, «приятно удивила» его «своей добросовестностью» [Егоров 2013: 1140], внимательно прочитывая приносимые ей черновики и тщательно вникая в проблематику диссертации на историко-литературную тему, то в С.А. Рейсере, его старшем и близком друге, отмечает он такое «характерное человеческое свойство», как «надежность», проявляющееся и в научных работах, и в личных отношениях: «На него можно было положиться» [Егоров 2013: 192]. Рассказывая о психологических и житейских качествах З.Г. Минц, которую он знал не одно десятилетие, Б.Ф. Егоров особо подчеркивает ее органичную и широкую «доброту», обнаруживаемую «в самых различных сферах: человеческая отзывчивость, материальная помощь, обильные научные консультации, щедрая раздача идей и фактов» [Егоров 2004: 292]. А в Д.С. Лихачеве, выдающемся ученом и человеке, особенно привлекает (наряду с другими чертами его личности) способность открыто признавать, если в этом мог убедиться, свою неправоту; узнав, что коллега, вызвавшая было его резкое недовольство, не виновата в досадной оплошности, он сразу «пошел извиняться. Это важно и хорошо» [Егоров 2013: 178].

Б.Ф. Егоров, что надо специально подчеркнуть, предстает в своих воспоминаниях портретистом, владеющим главным секретом, без которого портреты превращаются в холодные (пусть даже и мастерски сделанные) копии: умением за внешними чертами увидеть и понять сущность человека. И показать, как она раскрывалась в конкретных жизненных обстоятельствах.

Иногда он идет от общего к частному, как в очерке о Е.А. Маймине, когда сначала излагает свое понимание интеллигентности и понятия «русский интеллигент», называя такие его признаки, как «превосходство духовных интересов над материальными и служение людям», а затем рисует по-человечески очень привлекательный портрет псковского профессора, с которым его связывали долгие годы научного общения, «образцового, типического представителя русской интеллигенции» [Егоров 2004: 405].

А в «Слове о Б.О. Кормане» мысль мемуариста движется иным путем. Проследившая научный и жизненный путь создателя теории автора и исторической теории многоголосия, которому, к сожалению, «не встретился второй Клемент», так что ему, при всей его стойкости, не так просто было отстаивать, работая в провинции и постоянно сталкиваясь с самодурством «местных сатрапов» [Егоров 2004: 401], свои научные и человеческие принципы, Б.Ф. Егоров при-

ходит к обобщающим выводам о драматических судьбах провинциальных ученых-интеллигентов, которых отторгала или преследовала «люмпенско-мещанская власть» [Егоров 2004: 404].

Вообще мемуарные очерки Б.Ф. Егорова отличает особый интерес именно к судьбам его коллег, ученых-филологов, как они складывались в описываемую историческую эпоху, к трагическим поворотам той или иной личной судьбы, к борьбе человека с судьбой и к способам противостояния неблагоприятной судьбе. Что же касается его собственной позиции, нравственной и человеческой, то он неизменно, как свидетельствуют приводимые им факты, принимал горячее участие в судьбе коллег, попавших в трудную жизненную ситуацию, и стремился не просто морально поддержать, но и помочь делом.

Так, ему практически удалась попытка перетянуть в Тарту опального Ю.Г. Оксмана, оказавшегося после возвращения из лагеря профессором в Саратове, где он «чувствовал себя очень неуютно» [Егоров 2004: 305]. Хотя она и «неудачно закончилась» (Ю.Г. Оксман по ряду причин не решился покинуть Саратов), но «творческие связи» не прерывались и «в дальнейшем еще более укрепились» [Егоров 2004: 307]. А вот Ю.Н. Чумакову, тоже человеку «очень тяжелой судьбы» [Егоров 2013: 245], но сумевшему, несмотря на многочисленные препятствия, реализовать себя в науке и добиться признания коллег (достаточно сказать, что первым оппонентом на защите его диссертации выступил Ю.М. Лотман), Б.Ф. Егоров с друзьями помогли после «остепенения» [Егоров 2013: 245] выбраться из глухомани и включиться в активную научную жизнь.

Особое место в биографии Б.Ф. Егорова, отмеченной знакомством и встречами с крупнейшими учеными-гуманитариями минувшего века, в которой органично соединились такие центры отечественной филологии, как Тарту и Ленинград-Петербург, занимает особенно близкий его сердцу Ю.М. Лотман. Истории их отношений, связанных с историей тартуской кафедры, и полувековой дружбы с ним, прочной и «ничем не омраченной» [Егоров 2004: 257], посвящены несколько развернутых очерков, в которых характеризуются как научные открытия Ю.М. Лотмана, так и будничные стороны его тартуской жизни, с огромной преподавательской нагрузкой и бытовыми тяготами, вынуждавшими заниматься научной работой по ночам (другого времени на нее попросту не оставалось), «с ущербом для здоровья» [Егоров 2004: 206].

Величие Ю.М. Лотмана как ученого неотделимо, как доказывает Б.Ф. Егоров, от свойственного ему гуманизма, побуждавшего постоянно помогать окружающим (причем не только друзьям и знакомым, но также, что требовало мужества, «политическим заклю-

ченным или выгнанным с работы»), в том числе и материально, то и дело открывая «кошелек для разных вспомоществований» [Егоров 2004: 264]. Толерантный к коллегам и снисходительно относившийся «к нерадивым студентам и аспирантам» [Егоров 2004: 264], Ю.М. Лотман, что по-человечески особенно сближало его с Б.Ф. Егоровым, был «совершенно органически неспособным к командованию», не умел «приказывать, давить на человека» [Егоров 2004: 267]. Более того, по-настоящему добрый и совестливый, он отличался «повышенной скромностью», проявлявшейся «в постоянной оглядке на ближних: не помешал ли? не обидел ли?» [Егоров 2004: 276]. Выдающиеся личные качества ученого, несомненно, не могли не отразиться «в его научном творчестве», но эта тема вышла, к сожалению, за границы мемуарного очерка, так как требовала «отдельной работы» [Егоров 2004: 278].

А вот о чем Б.Ф. Егоров по-настоящему грустит, так это о неудавшейся попытке побудить Ю.М. Лотмана, обладателя «уникальной памяти» [Егоров 2004: 261], оставить воспоминания, написать которые он его «безуспешно агитировал» [Егоров 2004: 262]. Не удалось ему убедить и другого своего близкого друга, Ю.Н. Чумакова, поражавшего «потрясающей свежестью и емкостью памяти», приняться «за мемуары о своей интересной и трудной жизни» [Егоров 2013: 241]. Эти попытки, пусть и неудавшиеся, куда больше говорят о самом Б.Ф. Егорове: его, постоянно занятого «прошлым, прошлым моей страны и своим лично», случалось, охватывало желание повернуть «назад и время», чтобы «совершенно заново осмыслить и прочувствовать бывшее» [Егоров 2004: 109]. Но если старые места, места памяти, можно посещать, ощущая подвластность пространства человеку, то время необратимо и доступно только в форме воспоминаний; написание воспоминаний стало для Б.Ф. Егорова способом служения русского интеллигента, особой формой личного подвижничества.

В большом цикле мемуарных очерков «Далекое-близкое детство» Б.Ф. Егоров делится воспоминаниями о своих предках, родителях и близких родственниках, друзьях детских и юношеских лет. Интерес к истории своей семьи, собственно и вызвавший «идею писать воспоминания» [Егоров 2004: 11], обусловлен был желанием заполнить образовавшиеся в XX веке (эпоха, как выразился один из собеседников автора, отучила от мемуаров: давали себя знать страх перед возможными репрессиями и опасения навредить знакомым и близким) лакуны исторического беспамятства.

Актуализируя минувшее, мемуарист словно разворачивает заново все пережитое, возвращаясь к событиям прошлого и наполняя собою время. Ему важно «показать, как в невообразимо тяжелых

условиях советского быта 1920–1930-х годов жила семья провинциального учителя» и как «все члены этой семьи» пытались в столь неблагоприятных условиях «создать свой “утопический” островок» и «прежде всего — воспитать детей в духе совести и добра» [Егоров 2004: 13]. Маршрут возвращения подсказан значимой для автора шкалой ценностей, определившихся уже в ранние годы под влиянием родных и близких, а затем, в процессе непрерывного духовного движения, сложившихся в систему незыблемых нравственных представлений.

«Итак, родился я в хорошей семье в нехорошее время, в великой (хотя бы пространственно) стране среди великого (хотя бы количественно) народа» [Егоров 2004: 14]. Эпический зачин, напоминающий о неторопливо развертывающихся повествованиях XIX века, понадобился автору, чтобы войти в свою личную историю, где семья — и точка отсчета, и основа основ. Через генетическое наследство и семейное воспитание историческое особым образом проникает в частное и окрашивает его в неповторимые цвета.

Всякий читатель русского классического романа знает, какое значение имеет для юного героя женский мир. Образ бабушки здесь — один из ключевых. Вот и Б.Ф. Егоров не может не сказать о том «громадном воздействии», которое оказали на него «нравственные беседы с бабушкой» [Егоров 2004: 17], Евдокией Васильевной, и в двадцатые годы, когда начались гонения на религию и верующих, сохранившей дорогую ей иконку и продолжавшей соблюдать все посты и праздники. Окружавший мальчика, подростка и юношу мир женского милосердия немислим был и без тетушек, Александры Ивановны, Шурани, младшей сестры отца, которую он называет своей второй мамой, «духовной» [Егоров 2004: 69], и сестер матери, Анны, Веры и Евдокии, Дуси, «любимой тетушки из всей маминой родни» [Егоров 2004: 34]. Но совершенно особое место занимает в душе мемуариста его мама, Анастасия Яковлевна. Когда он вспоминает свое «раннее детство», то образ мамы «всегда всплывает поющей» [Егоров 2004: 63]. Тяжелые условия советского быта не смогли изменить ее отзывчивый характер; она всегда оставалась «глубинно доброй и прощающей» [Егоров 2004: 63].

Отцу, Федору Ивановичу Егорову, главе семейства, мемуарист посвятил отдельный очерк. Родившийся в мещанско-купеческой семье, он, несмотря на полное отсутствие в доме книг, страстно хотел учиться. Любовь к рисованию привела его в Пензенское художественное училище, после окончания которого он преподавал в родном Балашове, откуда уже в советское время, когда возникла реальная опасность подвергнуться репрессиям, перебрался в Донбасс, в Лисичанский горный институт. Затем последовал переезд

в Старый Оскол, где Егоровы и осели. Так в небольших городах, в которых он «всегда был склонен жить», чтобы «иметь свой дом и садик» [Егоров 2004: 59], так и не приобретя «советских ментальных черт» [Егоров 2004: 60], в любимом труде и в пределах семейного круга и прошла жизнь замечательного по своим нравственным качествам человека, которого, как видно, почему-то (к счастью для дружной семьи Егоровых!) хранила судьба.

С.С. Аверинцев в одной из последних своих статей, посмертно опубликованной, сожалея о том, как мало еще сделано «для реконструкции конкретных нюансов локальной истории» старой интеллигенции в советские времена, коснулся в этой связи особого сюжета — жизни русских интеллигентов в Средней Азии, где они «пересиживали тридцатые годы» [Аверинцев 2004: 186]. Федору Ивановичу удалось выжить самому и спасти от напастей семью, можно сказать, чудом, но пересиживал он сталинское лихолетье в российской глубинке, сумев сохранить духовный склад и мироощущение досоветского интеллигента, прежде всего внутреннюю независимость и твердость нравственных принципов. Эти качества отец не только сохранил, но и передал сыну.

Б.Ф. Егоров с неизменной благодарностью говорит о своих родителях, сумевших воспитать детей в духе совести и добра, любви к труду и творчеству. С удовольствием вспоминает он о рассказах отца об учебе, путешествиях и случаях на охоте, о лесных прогулках с родителями, навсегда внушивших ему любовь к природе, о домашних «посиделках», воспитывавших «семейственные чувства» и сближавших «старших и младших» [Егоров 2004: 97–98].

Возможно, именно семейное воспитание сделало его совершенно невосприимчивым к советской утопии о новом человеке. Потому, может, с детских и юношеских лет «коллективу» и коллективному образу жизни, «пионерлагерям», куда его ни разу родители «не упекли», а позднее «советским санаториям», где он «ни разу не был» [Егоров 2004: 102], всегда предпочитал он самостоятельное и отдельное существование, позволявшее (даже в комсомол умудрился не вступить) уйти из-под власти насаждавшейся сверху и овладевшей массами идеи «исторического детерминизма», лишавшей «воли и свободного суждения» [Мандельштам 1989: 40].

Кстати, делаясь американскими впечатлениями 1989 года, когда он работал визитинг-профессором в вашингтонском университете, Б.Ф. Егоров, что примечательно, сочувственно вспоминает о культуре американцев «прайвеси — уединенности, скрытности, обособленности» [Егоров 2004: 423], весьма приятном, как он успел ощутить, «в нормальном быту», особенно если сравнить «с отечественной беспардонностью» [Егоров 2004: 424].

Весьма органичными, что характерно, выглядят в «детской» части воспоминаний Б.Ф. Егорова рассказы не только о его читательских интересах и книжных пристрастиях, о склонности к тому или иному виду игр и спортивных занятий, об увлечении радиотехникой и химическими опытами, но и о предпочтениях в еде и питье. И здесь решающую роль, по его признанию, сыграла именно семейная традиция, предопределившая и его нелюбовь к «к любому общепиту» [Егоров 2004: 122]. Любопытно, что в некурящей семье он так и не приучился к курению, хотя и пробовал из любопытства. А вот о том, что отец приобщил его «к плотницкому и столярному делу», вспоминает с благодарностью: «Как это пригодилось в жизни!» [Егоров 2004: 142].

Автор любит и ценит в себе частного человека — и это тоже плоды семейного воспитания, что дорогого стоит, если вспомнить, с каким подозрением относилось советское государство к приватной жизни, стремясь взять ее под полный контроль. Недаром он «с юных лет признавал лишь узкую, из трех-четырёх друзей, компанию» [Егоров 2004: 103]. Отмечая и фиксируя разные степени несвободы общества, в котором ему пришлось расти и жить, Б.Ф. Егоров показывает на конкретных примерах, как с детских лет вырабатывался в нем свободный человек, способный действовать самостоятельно и принимать самостоятельные решения. Такая способность и во взрослые уже годы давала ему право чувствовать себя носителем семейной и культурной традиции.

Будучи историком русской культуры, то есть тем, кто профессионально занимается прошлым и интерпретирует события прошлого, автор воспоминаний ясно сознает, что события эти непременно оставляют след если не в документах (документы могут и не сохраниться), то в человеческой душе, так что прошлое все равно и при любом раскладе продолжает жить в настоящем и оказывать на него воздействие. Воспоминания Б.Ф. Егорова служат способом не только воспроизведения, но и преобразования картин прошлого, высветившихся в памяти мемуариста: неповторимость личности и уникальность частной биографии позволяют по-новому увидеть и осмыслить все, что произошло в жизни общества и человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.* Опыт петербургской интеллигенции в советские годы — по личным впечатлениям // *Новый мир.* 2004. № 6. С. 182–194.
2. *Бернштейн Б.И.* Старый колодец: Книга воспоминаний. СПб., 2008.
3. *Егоров Б.Ф.* Воспоминания. СПб., 2004.
4. *Егоров Б.Ф.* Воспоминания-2. СПб., 2013.
5. *Комуцци (Татару) Л.* Тихий город Балашов — точка на карте мира Б.Ф. Егорова // *Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков.* СПб., 2016. С. 37–46.

6. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1989.
7. *Фризман Л. Б.Ф. глазами Л.Г.* // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб., 2016. С. 110–121.
8. *Щукин В.* Из воспоминаний Дона Базилио // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков. СПб., 2016. С. 122–127.

REFERENCES

1. Averincev S. *Opyt peterburgskoj intelligencii v sovetskie gody — po lichnym vpechatleniyam* [Experience of the Petersburg intelligentsia in the Soviet years — according to personal impressions]. *Novy Mir*. 2004. № 6, p. 182–194. (In Russ.)
2. Bernshtejn B.I. *Staryj kolodec: Kniga vospominanij* [Old Well: A Book of Memories]. St Petersburg: *N.I. Novikova Publ.*, 2008, 408 p. (In Russ.)
3. Egorov B.F. *Vospominaniya* [Memories]. St Petersburg: *Nestor-Istoriya Publ.*, 2004, 472 p. (In Russ.)
4. Egorov B.F. *Vospominaniya-2* [Memories-2]. St Petersburg: *Rostok Publ.*, 2013, 384 p. (In Russ.)
5. Komucci (Tataru) L. *Tihij gorod Balashov — tochka na karte mira B.F. Egorova* [Quiet city Balashov — a point on the world map B.F. Egorova]. *Ostrova lyubvi BorFeda: Sbornik v chest' 90-letiya Borisa Fedorovicha Egorova / Red.-sost. A.P. Dmitriev i P.S. Glushakov*. St Petersburg: *Rostok Publ.*, 2016, p. 37–46. (In Russ.)
6. Mandel'shtam N.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: *Kniga*, 1989, 479 p. (In Russ.)
7. Frizman L. *B.F. glazami L.G.* [B.F. through the eyes of L.G.]. *Ostrova lyubvi BorFeda: Sbornik v chest' 90-letiya Borisa Fedorovicha Egorova / Red.-sost. A.P. Dmitriev i P.S. Glushakov*. St Petersburg: *Rostok Publ.*, 2016, p. 110–121. (In Russ.)
8. Shchukin V. *Iz vospominanij Dona Bazilio* [From the memoirs of Don Basilio]. *Ostrova lyubvi BorFeda: Sbornik v chest' 90-letiya Borisa Fedorovicha Egorova / Red.-sost. A.P. Dmitriev i P.S. Glushakov*. St Petersburg: *Rostok Publ.*, 2016, p. 122–127. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.02.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 01.02.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Владислав Шлаевич Кривонос — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета; vkrivonos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Krivonos — Prof. Dr., Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education; vkrivonos@gmail.com